

18+

КОЛЫБЕЛЬ

Сега Сашин

Сева Сашин

**Колыбель. Мистический
психологический хоррор**

<https://litres.ru/74218582>

ISBN 9785007035644

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

После смерти матери Алексей Самойлов находит письмо, которое рушит всё, что он знал о своей семье. Его отец не пропал случайно: много лет назад он ушёл в Долину Мёртвых Костров на Камчатке — место, которого нет на туристических картах и о котором местные говорят только шёпотом. Но чем ближе они подходят к Колыбели, тем яснее становится: это место не убивает сразу. Оно предлагает тепло. И забирает не тело, а то, от чего человек сам мечтает избавиться — боль, память, вину, страх.

Содержание

КОЛЫБЕЛЬ	5
18+	5
ДОРОЖНАЯ ЗАПИСКА	6
ПРОЛОГ	7
ИНТЕРЛЮДИЯ. Чужая фамилия	12
ГЛАВА 1. Письмо	15
ГЛАВА 2. Проводник	25
Петропавловск. Краеведческий архив. 15:20	27
Гараж. Четверо внутри	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Колыбель Мистический психологический хоррор

Сега Сашин

Дизайнер обложки Сергей Юрьевич Гурьянов

© Сега Сашин, 2026

© Сергей Юрьевич Гурьянов, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0070-3564-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КОЛЫБЕЛЬ

Хоррор-повесть

18+

Данное произведение содержит сцены насилия, жестокости, убийств, а также нецензурную лексику (в диалогах). Рекомендуется для читателей старше 18 лет. Автор не несёт ответственности за возможные психологические последствия у неподготовленной аудитории.

Все персонажи, события и организации, упомянутые в романе, являются вымышленными. Любые совпадения с реально существующими людьми, живыми или умершими, а также с реальными событиями и организациями — случайны.

ДОРОЖНАЯ ЗАПИСКА

Эти страницы восстановлены по тетрадям Алексея Самойлова, фрагментам дела 1979 года, свидетельствам Раисы Аркадьевны С., фельдшера Николая П. и тем листам, которые не удалось отнести ни к одному живому человеку.

Точный маршрут экспедиции не установлен. Сами участники называли его не расстояниями, а ночёвками: Петропавловск, Крапивная, Козыревск, Ключи, старая метеостанция, Долина Мёртвых Костров.

Крапивная не обозначена на обычных туристических картах. В старых бумагах она проходит как боковой посёлок лесозаготовителей. Местные предпочитают не уточнять, где он был.

В поздних записях Самойлов несколько раз повторяет одну фразу: «Не верьте тем, кто говорит, что дорога была длинной. Дорога была голодной».

ПРОЛОГ

1979 год. 23 октября. 22:15.

Вертолёт Ми-8 трясло так, что лязгали заклёпки.

Старший лейтенант госбезопасности Илья Соболев сидел, вцепившись в откидную сетку, и смотрел на человека напротив.

Человек был мёртв. Но он дышал.

Соболев насчитал: вдох — пауза в десять секунд — выдох. Грудная клетка поднималась, и вместе с ней, казалось, поднимался весь вертолёт.

— Где взяли? — спросил Соболев у прапорщика, сидевшего рядом с телом.

— В Долине Мёртвых Костров, товарищ старший лейтенант.

— Что за Долина?

Прапорщик говорил шёпотом, хотя турбины ревели так, что и крика не было слышно.

— Местные туда не ходят. Говорят, там земля живая. Помнит. Забирает.

— Забирает что?

— Тени, товарищ старший лейтенант. У всех, кого находили в Долине, не было теней. Даже когда прожектором светили.

Соболев перевёл взгляд на тело. Мужчина лет сорока, ли-

цо землисто-серое, как пепел. Глаза закрыты, веки тонкие, почти прозрачные. Под ними что-то двигалось.

— Как зовут?

— Митрич. Настоящего никто не помнит.

— Как он выглядел, когда его нашли?

Прапорщик сглотнул.

— Сидел в центре круга. Голый. Вокруг — пять человек. Все мёртвые. Все из пропавшей экспедиции. У каждого... — он запнулся, — у каждого на месте тени — вмятина. Как будто тени вырезали ножницами.

Вертолёт тряхнуло. Соболев на миг отвернулся.

Этого хватило.

Когда он повернулся обратно, Митрич сидел с открытыми глазами.

Глаза были белыми. Не бельма, не катаракта — абсолютно белыми, как свежий снег, как бумага. Из них текли слёзы — чёрные, густые, как нефть. Они ползли по щекам, падали на куртку. Там, где капли падали, ткань шипела и плавилась.

Митрич улыбнулся. Улыбка была тёплой, правильной, до жути живой.

Голос пошёл из груди. Низкий, гортанный, с вибрацией, от которой у Соболева заныли зубы.

— Илья Николаевич, — сказала грудь мёртвого человека.

— Вы не бойтесь. Я не кусаюсь.

— Кто вы?

— Мы. Все, кто лежит внизу. Все, кто умер здесь за ты-

сочи лет.

— Чего вы хотите?

— Тепла. Вашего. Живого. Солёного. Мы замёрзли в камнях. Пустите нас внутрь. Всего на минуту.

Соболев выхватил пистолет, выстрелил в грудь.

Пуля вошла. Кровь не брызнула — пуля вышла из спины сухой, упала на пол, звякнула, покатилась.

Митрич даже не моргнул.

— Спасибо, — сказала его грудь. — Вы были добры.

Он закрыл глаза. Тело обмякло, снова стало трупом.

При посадке Митрич исчез. Сиденье пустое. На обшивке — надпись, процарапанная ногтем, глубоко, до голого металла:

«Они придут изнутри. Из ваших теней. Бойтесь не темноты. Бойтесь того, что ждёт, пока вы спите».

Прапорщика через месяц нашли в казарме. Он сидел на кровати, улыбался, смотрел в стену. Глаза белые. Повторял: «Тепло. Как хорошо».

Через две недели умер.

Вскрытие показало: кровь в его теле заменилась на серый пепел. На коже — по всему телу — проступили буквы. Они складывались в слово: «КОЛЫБЕЛЬ».

Дело закрыли. Гриф «Совершенно секретно».

Соболев вышел в отставку в 1984-м. Но по ночам просыпался от того, что его тень стояла у кровати и смотрела на

него. У тени были белые глаза.

Он прожил ещё двадцать лет. Каждую ночь — одно и то же. Тень стоит. Смотрит. Иногда шепчет: «Мы помним тебя, Илья Николаевич. Ты был добр».

2005 год. Соболев умер. Перед смертью успел сказать только одно:

— Оно не закрылось. Оно ждёт, когда все мы умрём и забудем предупреждать. И тогда выйдет. И никто не отличит.

Он умер в 3:15 ночи. Через минуту его жена закричала. Потому что тень Соболева осталась на стене. И у неё были его глаза. Живые. Испуганные.

Тень шевелилась на стене ещё три дня. Пока медсестра не покрасила её белой краской. Краска не помогла. Тень проступила сквозь неё через неделю.

До сих пор висит на стене палаты №7 в петропавловском хосписе.

Архивная приписка, обнаруженная в копии дела №47/К:

Через семь суток после исчезновения Митрича нашли в восьми километрах от Крапивной. Он шёл босиком по снегу, хотя снег тогда ещё не должен был лечь. Правой руки не было. Крови тоже не было: культя была ровной, серой, будто руку не отрубили, а стёрли ластиком.

На вопрос, где он был, Митрич ответил: «Держал». На вопрос, что именно держал, сказал: «Дверь». Больше в протоколах его имя не появлялось. Официально Митрич умер в вертолёте. Живой старик, который потом десятилетиями во-

зил людей по северной Камчатке, для государства уже не существовал. В девяностые один фельдшер из Ключей достал ему чужие документы на имя человека, утонувшего в половодье. На бумаге он стал Иваном Харченко. На севере всё равно говорили: Митрич. Там документы умирают раньше прозвищ.

ИНТЕРЛЮДИЯ. Чужая фамилия

Ключи. Зима 1993 года.

Фельдшер Николай Петрович не любил слово «чудо». Слишком часто им прикрывали чью-то лень, чужую глупость или беду, которую не успели предотвратить. Когда ребёнок выживал после воспаления лёгких, люди говорили: чудо. Николай знал: не чудо, а антибиотик, сухое бельё и три ночи без сна. Когда старуха не умерла после инсульта, говорили: чудо. Николай знал: сосуд лопнул не там, где мог.

Но Митрич был другим.

Он пришёл к амбулатории под вечер, в пургу. Не постукал. Просто стоял у окна, пока Николай не поднял глаза от журнала. У старика не было правой руки. Серая культя выглядела так, будто её не лечили, не бинтовали, не прятали от инфекции. Она просто была. Ровная, холодная, чужая.

— Мне бумага нужна, — сказал Митрич.

— Какая бумага?

— Чтобы жить.

Николай хотел вызвать милицию. Рука уже потянулась к телефону, но старик посмотрел на него своим белым глазом — и в комнате погасла лампа. Не перегорела. Просто потемнела изнутри, как уголь под мокрым снегом.

— Я не преступник, — сказал Митрич. — Я мёртвый по их бумагам. А мёртвому трудно купить солёнку.

Николай не спросил, кто «они». На севере лишние вопросы быстро становятся частью биографии. Он достал спирт, налил в гранёный стакан, подвинул старику. Митрич не выпил.

— Нельзя мне. Если согреюсь неправильно, они начнут шевелиться.

— Кто?

Старик приложил левую ладонь к культе. Лицо его стало серым.

— Те, кого я держу.

Через неделю Николай принёс ему документы. Паспорт был старый, советский, с фотографией другого человека. Человек на фотографии был круглолицым, с усами, совсем не похожим на Митрича. Но печать стояла настоящая. Подпись тоже.

— С этим далеко не уйдёшь, — сказал Николай.

— Мне далеко и не надо. Мне надо туда, где дорога кончается.

— Зачем?

Митрич посмотрел в окно. За стеклом метель несла снег не вниз, а вбок, будто мир лежал на боку и не мог подняться.

— Потому что если я лягу, они встанут.

Николай больше не спрашивал.

Спустя годы он рассказывал, что сделал это из жалости. Это была неправда. Жалость тут ни при чём. Он помог Митричу потому, что однажды ночью услышал, как в пустой пе-

ревязочной кто-то плачет детским голосом и просит: «Папа, не отпускай». На следующий день Митрич пришёл за бинтами. Николай увидел его культю и понял: иногда человек остаётся живым не для себя.

Эту историю он записал на обороте старого рецептурного бланка. Бланк нашли после его смерти между страницами медицинского справочника. Внизу была приписка: «Если спросят, кто такой Митрич, отвечайте: никто. Так безопаснее для всех».

ГЛАВА 1. Письмо

Саратов. Квартира на улице Танкистов. 14 ноября 2024 года.

Алексей Самойлов сидел на полу в комнате матери и перебирал её вещи. Третий день после смерти. Не после похорон, не после прощания, не после всех этих слов, которыми взрослые люди прикрывают простую вещь: человек был — и его больше нет. Третий день после того, как в три часа ночи её рука стала холодной, а он продолжал держать её до утра, потому что отпустить означало согласиться.

Квартира пахла лекарствами, старыми обоями, мокрой ватой и чем-то сладким. Этот запах появился ещё в палате: за минуту до того, как кардиомонитор дал длинный ровный звук, в воздухе стало сладко, как в кладовке, где испортились яблоки. Врач сказал потом: «Это бывает». Алексей не поверил. За два года болезни он выучил много медицинских запахов: спирт, хлорку, морфин, кислую желчь, кожу под пластырем. Этот запах был не медицинский. Он был чужой.

Он ухаживал за матерью два года. Оставил университет на третьем курсе, потому что сначала казалось — ненадолго. Потом стало неудобно возвращаться. Друзья звонили в первые недели, писали длинные сообщения с аккуратным сочувствием, потом устали. Девушка ушла через три месяца. Она плакала в прихожей, говорила: «Ты стал другим», и он

не спорил. Другим он действительно стал. Только не знал каким.

Последние две недели он почти ничего не чувствовал. Просто делал: укол, вода, простыня, таблетка, снова вода, тазик, салфетки, позвонить врачу, не забыть оплатить газ, не забыть вынести мусор. Человек, который ухаживает за умирающим, сначала боится смерти. Потом боится, что смерть опоздает.

Этой мысли он стыдился больше всего.

Теперь мать лежала в морге, а квартира осталась. Кружка с облупившейся ромашкой стояла у раковины. На холодильнике висел магнит «Анапа-2008», хотя в Анапу они так и не поехали: отец тогда уже исчез, а мать сказала, что море без него будет выглядеть как насмешка. На тумбочке лежала маленькая иконка — мать не была верующей, но последние месяцы держала её рядом. «Не мешает», — говорила она, когда Алексей спрашивал зачем.

Он разбирал коробку с фотографиями без особой цели. Нужно было чем-то занять руки. На дне коробки лежал конверт из плотной серой бумаги. Почерк матери Алексей узнал сразу: мелкий, аккуратный, с нажимом, будто каждая буква держалась за бумагу, чтобы не упасть. Конверт был запечатан не клеем — край будто подплавили. По бумаге шла бурая кайма, похожая на ожог.

И пахло. Тем самым сладким запахом.

Он хотел отложить конверт. Очень хотел. Человеческая

жизнь часто держится на малодушии: не открывай, не спрашивай, не дочитывай, переживёшь до вечера. Но палец уже поддел край.

Внутри было письмо.

Дата стояла свежая — за два дня до смерти. Но бумага была старая. Чернила легли поверх выцветших строк: мать, видимо, написала его давно, потом переписала, потом снова спрятала. Алексей вдруг увидел её за кухонным столом ночью: лампа, дрожащая рука, стакан с водой, пакет таблеток, тишина в квартире. Она знала, что умирает. И всё равно тянула до последнего.

«Лёша,

Я должна тебе сказать то, что скрывала восемнадцать лет. Ты имеешь право знать.

Твой отец не пропал. Он ушёл сам. В Долину Мёртвых Костров на Камчатке. Я всегда знала, куда он направился. Он сказал мне перед уходом: «Если я не вернусь через месяц — не ищи. Я там, где тепло».

Я не искала. Я боялась.

Ты можешь ненавидеть меня за это. Может быть, должен. Я сама себя ненавидела. Но я думала, если не назвать беду по имени, она не найдёт дорогу к тебе.

Нашла.

Не езди туда, Лёша. Пожалуйста. Он там. Я видела его во сне много лет. Он жив, но это не та жизнь, которую надо возвращать домой. Если ты поедешь — ты вернёшься не один.

Или не вернёшься совсем.

Прости, что молчала. Прости, что не смогла уберечь. Прости, что оставляю тебя одного.

Мама».

Алексей перечитал письмо три раза. На четвёртый раз слова перестали быть словами и стали пятнами. Он положил лист на пол, встал, подошёл к окну. Саратов тонул в сером ноябрьском тумане. Двор, детская площадка, гаражи, мусорные баки — всё было обычным. Даже слишком обычным. Мир продолжал существовать без малейшей неловкости.

Отец.

Сергей Самойлов. Имя, которое в доме не произносили. Мать говорила: «Уехал». Потом: «Не спрашивай». Потом, когда Алексей подрос: «Он сделал свой выбор». На этом разговор заканчивался. Фотографий почти не было. В памяти оставался только запах: кожаная куртка, бензин, дешёвый табак и горький дым, как от костра, куда бросили пластик.

Ему было шесть, когда отец ушёл. Шесть — это возраст, когда человек ещё верит, что взрослые всегда возвращаются, потому что у них ключи.

Он открыл ноутбук и набрал: «Долина Мёртвых Костров Камчатка».

Интернет отвечал уклончиво. Несколько форумов с мёртвыми ссылками. Страница о пропавшей экспедиции 1979 года. Короткая заметка 1989 года о вулканологах, не вернувшихся с маршрута. Обсуждение 2019 года: канадские ту-

ристы, один выживший проводник, официальная версия — непогода, лавина, ошибка маршрута. Внизу комментариев без аватарки: «Местные называют это место Колыбелю. Не ходите. Оно не убивает сразу. Оно уговаривает».

Алексей закрыл крышку ноутбука.

— Бред, — сказал он вслух.

Слово прозвучало плохо. Не потому что было неверным, а потому что квартира его не поддержала. Раньше она отвечала на голос: скрипом пола, кашлем соседей, водой в трубах. Теперь она глотала звуки.

Письмо на полу тихо шевельнулось.

Он увидел это краем глаза и сразу решил, что не видел. Нервы. Недосып. Смерть матери. Но на краю бумаги действительно поднялась тонкая серая плёнка, похожая на тень от пепла. Она ползла по строкам и закрывала слова. Не все — только некоторые: «отец», «тепло», «вернётся».

Алексей наклонился и провёл пальцем по бумаге.

Плёнка осталась на коже. Липкая. Маслянистая. Он вытер палец о джинсы. Пятно не сошло. На указательном пальце осталась маленькая серая точка, как заноза под кожей.

В комнате стало холодно.

Он повернулся к зеркалу в шкафу. Его тень лежала на полу — обычная, чёрная, вытянутая. На секунду ему показалось, что у тени шесть пальцев.

Он моргнул. Всё стало нормально.

— Нет, — сказал Алексей. — Нет. Я не буду сходить с ума

в первый же день.

Он пошёл на кухню, открыл холодильник, потому что нужно было сделать что-то бытовое. Внутри стояла кастрюля с гречкой, лимон с почерневшим боком и баночка йогурта, срок которой вышел неделю назад. Он хотел выбросить кастрюлю, но крышка оказалась тёплой.

Алексей отдёргнул руку.

Тёплой она быть не могла. В квартире третий день не готовили. Батареи едва дышали. Он снова коснулся крышки. Холодная.

— Нормально, — сказал он. — Просто нервы.

В прихожей зазвонил телефон. Ритуальная контора.

— Алексей Сергеевич? По урне вашей мамы: забрать можно будет через три дня после кремации. Документы готовы, но нужна подпись.

Он слушал слова: урна, договор, квитанция, хранение. После смерти всё становится канцелярией. Человек был — стал комплектом бумаг.

— Я уезжаю, — сказал он.

— Тогда доверенность?

— Я вернусь.

Женщина на том конце помолчала. Наверное, услышала в его голосе не уверенность, а просьбу.

— Хорошо. Мы подержим.

Он положил трубку и сел на пол у батареи. Серое пятно на пальце почти исчезло, но внутри осталась точка, твёрдая

и терпеливая. Он хотел расковырять её ногтем, но вспомнил, как мать за день до смерти схватила его за запястье и прошептала: «Не чеши. Что бы ни было — не чеши».

Тогда он решил, что она говорит про катетер.

Вечером пришла тётя Валя с пятого этажа. Принесла контейнер с котлетами, завернутый в полотенце.

— В дорогу, — сказала она. — У тебя лицо такое, будто ты не ел с войны.

— С чего вы взяли, что я в дорогу?

— Рюкзак у двери. И глаза не здешние.

Она стояла в прихожей, теребила ручку пакета. Тётя Валя знала Алексея с детства: давала соль, ругалась на шум, один раз вызывала скорую, когда мать потеряла сознание у лифта. В доме такие люди почти родственники, только без права спрашивать.

— Мать твоя перед смертью меня просила, — сказала она наконец. — Если ты вдруг начнёшь собираться на север, спрятать паспорт.

Алексей посмотрел на неё.

— И?

— Я не спрятала. Она потом сама сказала: «Не надо. Если спрячем паспорт, он поедет без паспорта». Упрямый ты. Весь в него.

— Вы знали отца?

Тётя Валя поморщилась, будто он предложил ей выпить уксус.

— Видела пару раз. Красивый был. Плохая примета для мужчины.

— Почему?

— Красивым всё прощают. Даже когда они уходят туда, откуда нормальные люди бегут.

Она поставила контейнер на полку.

— Лёша, ты только одно пойми. Мать твоя не святая была. Врала. Молчала. Фотографии прятала. Но не от злости. Она думала, если беду не кормить словами, беда сдохнет за дверью.

— Не сдохла.

— Вот и не открывай ей шире.

Алексей хотел спросить, что ещё она знает, но тётя Валя опустила глаза.

— Последний месяц из вашей квартиры мужской голос слышался. Ночью. Не телевизор. Не радио. Мужчина тихо говорил. Я сначала думала, любовник. Потом поняла: нет. Твоя мать ему отвечала. Плакала. А утром говорила, что спала хорошо.

— Что он говорил?

— Не расслышала. Только одно. Всё повторял: «Здесь тепло».

Тётя Валя ушла, оставив котлеты, которые пахли чесноком и домом. Алексей запер дверь на два оборота. Потом на третий. Потом засмеялся — коротко, злым смешком. Как будто замок мог остановить то, что уже лежало у него под

кожей.

Поздно ночью он нашёл в шкафу маленькую коробку из-под обуви. Внутри была фотография: мать молодая, смеётся; рядом мужчина держит маленького Лёшу на плечах. Лицо мужчины засвечено солнцем, но рот виден хорошо: широкая, неловкая улыбка человека, который уже собирается извиняться, хотя ещё не знает за что. На обратной стороне мать написала: «До северной поездки».

Не «до исчезновения». Не «до беды». До поездки.

Он забрал фотографию.

Спал он плохо. Сон был коротким и плотным. Ему снилась квартира, но комнаты в ней уходили вглубь одна за другой, как коридоры больницы. В каждой комнате сидела мать. В первой — молодая. Во второй — седая. В третьей — больная. В последней — с белыми глазами.

Она сказала:

— Не ищи его, Лёша. Он не один.

Он проснулся от холода. На окне изнутри проступил иней. По инею кто-то провёл шесть коротких линий.

Утром он вызвал такси. Саратов казался декорацией, которую скоро разберут: остановки, ларьки, мокрый асфальт, люди с пакетами. Всё нормальное. Всё живое. И от этого было страшнее, чем от письма.

В аэропорту его задержали на досмотре из-за отцовской зажигалки: металлическая, потёртая, с выбитой буквой «С».

— Нельзя в ручной клади, — сказал сотрудник.

Алексей уже открыл рот, чтобы спорить, но зажигалка сама щёлкнула. Без огня. Просто звук. Сухой, металлический. Сотрудник побледнел.

— Ладно. Проходите.

— Но вы же сказали...

— Проходите, я сказал.

В самолёте рядом с Алексеем сидела женщина с ребёнком. Мальчик лет пяти ел печенье и крошил на куртку. Через час после взлёта он уснул, уткнувшись лбом в иллюминатор. На запотевшем стекле появились шесть следов от пальцев. Детских. Хотя руки мальчика лежали у него на коленях.

Алексей отвернулся и впервые за много дней заплакал. Тихо, без звука. Женщина у окна делала вид, что не видит.

Когда после последней пересадки самолёт взял курс на Камчатку, Алексей понял: назад уже нет. Не потому что билет невозвратный. А потому что он впервые позволил себе признать: он едет не только искать отца.

Он едет проверить, правда ли существует место, где можно отдать свою боль и больше не просыпаться с ней каждое утро.

ГЛАВА 2. Проводник

Петропавловск-Камчатский. Аэропорт Елизово. 16 ноября. 11:00.

Самолёт шёл на посадку сквозь облака, и когда они разорвались, Алексей увидел вулканы.

Они стояли на горизонте — чёрные, огромные, с шапками снега и дымом, поднимающимся из вершин. Корякский, Авачинский, Козельский.

Про Долину Мёртвых Костров в путеводителе не было ни слова.

В аэропорту его встречал незнакомец — Витьку он нашёл через «одного человека», который знал «другого человека», который работал с ним в 2019-м.

«Он странный, — сказал тот человек по телефону. — После той экспедиции с канадцами он стал другим. Не пьёт — это раз. Не спит — это два. И всё время смотрит на свою тень. Но он единственный, кто туда ходил и вернулся».

Витька оказался другим.

Он стоял у выхода из аэропорта, курил и смотрел на вулканы. Лет за сорок, но выглядел на пятьдесят пять. Лицо в морщинах — не от старости, от ветра. Глаза красные, опухшие. Но цепкие.

На левом бицепсе — татуировка «ВДВ — Никто кроме нас». На правом предплечье — шрам. Не от ножа — от зу-

бов.

— Ты Самойлов? — спросил Витька, даже не повернув головы.

— Да.

— Сразу скажу. Я не верю в бога. Не верю в чертей. Не верю в приметы. Всё, что я видел в Долине, можно объяснить. И я не могу это объяснить. Поэтому если ты думаешь, что я поведу тебя на экскурсию — ошибаешься. Я веду тебя туда, откуда можно не вернуться. Ты готов?

— Готов.

— Плохо, — сказал Витька. — Потому что готовых оно жрёт первыми.

Он затушил сигарету, двинулся к парковке.

— Идём. Нас ждёт ещё один.

Петропавловск.

Краеведческий архив. 15:20

До гаража Витька повёз его не сразу. Сказал: «Есть место, где ты должен сам себя отговорить». Алексей решил, что это будет бар, церковь или морг. Оказался архив — жёлтое здание с облупившейся штукатуркой, где пахло пылью, мокрой шерстью и батареями, которые топили слишком сильно.

— Мне туда нельзя, — сказал Витька у входа.

— Почему?

— Я однажды пытался. Читал списки пропавших. Потом три ночи слышал, как они листают меня.

Он остался курить на крыльце.

В читальном зале сидела женщина с короткой стрижкой и лицом человека, который давно понял: бумага лжёт не хуже людей. На бейджике было написано: «Раиса Аркадьевна».

— Долина Мёртвых Костров? — переспросила она. — Туристы опять?

— Я ищу отца.

Эта фраза изменила её лицо. Ненамного. Только глаза стали внимательнее.

— Фамилия?

— Самойлов. Сергей. Пропал в 2006-м.

Раиса Аркадьевна встала, ушла за стеллажи и вернулась с тонкой папкой. Не с толстой, архивной, где всё подшито и

пронумеровано, а с папкой на завязках, школьной, серой. На обложке карандашом было написано: «Север. Не выдавать».

— Вы мне её не давали, — сказала она.

— Конечно.

— И вы здесь ничего не читали.

— Понял.

Он открыл папку. Внутри были не документы, а следы документов: копии газетных вырезок, рукописные свидетельства, листок с координатами, зачёркнутыми так сильно, что бумага прорвалась. В одной заметке 1989 года говорилось о пропавшей группе вулканологов. В другой — о пастухе, который нашёл на снегу тень человека, но не нашёл самого человека. Третья была почти пустая: «В районе северного распада зафиксированы звуковые явления неизвестного происхождения. Работы прекращены».

На последней странице лежала фотография. Старая, цветная, выцветшая до желтизны. На ней стояли трое: молодой Митрич с двумя руками, женщина в свитере и девочка лет десяти. Девочка смотрела в объектив серьёзно, будто уже не верила фотографу. На обороте было написано: «Марина. Не показывать отцу».

— Она его дочь? — спросил Алексей.

Раиса Аркадьевна не ответила.

— В 1989-м она ушла на метеостанцию, — сказал Алексей, сам не понимая, откуда знает.

Женщина медленно подняла глаза.

— Кто вам сказал?

— Никто.

— Тогда слушайте. И запоминайте не слова, а то, что между ними. Здесь все, кто пропал, сначала что-то теряли. Не рюкзак, не связь. Теряли причину вернуться. У вашей семьи это, похоже, наследственное.

Она достала из ящика маленький конверт.

— Это оставил человек, который вёз вашего отца до Ключей. Попросил передать, если когда-нибудь придёт сын. Я думала, уже не придёт.

В конверте была фотография. Сергей Самойлов стоял на фоне «Урала» Митрича. Лицо молодое, уставшее, совсем не героическое. Алексей смотрел на него и не узнавал. Не потому что забыл — потому что помнить было нечего.

Внизу фотографии отец написал: «Лёше не показывать, пока живой».

— Пока живой кто? — спросил Алексей.

— Вот и я тогда спросила, — сказала Раиса Аркадьевна.
— Водитель ответил: «Не знаю. Наверное, все».

Когда Алексей вышел, Витька докуривал третью сигарету. Пепел падал на снег и не таял.

— Ну что? — спросил он. — Отговорился?

Алексей спрятал фотографию во внутренний карман.

— Нет.

Витька кивнул, будто другого ответа и не ждал.

— Тогда к Митричу.

Гараж на окраине. Час спустя.

Митрич ждал их в гараже на улице Ключевской. Старик сидел на перевёрнутом ящике, курил трубку и смотрел в стену. Правой руки не было — культя заканчивалась чуть ниже локтя. Кожа на культе была странной — не розовой, не коричневой, а серой, как пепел.

Гараж пах бензином, старыми тряпками и тем самым запахом.

Митрич не обернулся, когда они вошли. Только сказал:

— Я знал, что ты придёшь. Твоя мать снилась мне неделю назад. Сказала: «Мой мальчик едет. Помоги ему».

— Вы знали мою мать? — Алексей не верил.

— Мы все знаем всех, кто носит печать, — Митрич повернулся. Один глаз у него был белым. Второй — карим, живым, но уставшим. — Твоя мать носила печать с того дня, как твой отец ушёл в Долину. Она не знала. Но печать передавалась тебе. По крови. Или по снам. Неважно.

Митрич встал. Подошёл к Алексею. Поднял культю и коснулся ею его лба.

Культя была холодной. Не как лёд — как пустота.

— Ты уже несёшь их. Каплю. Они чувствуют твою кровь с той ночи, когда твой отец открыл дверь. Восемнадцать лет ждали, пока ты сам придёшь.

— Кого — они?

Митрич посмотрел на Витьку. Тот стоял в дверях, смотрел в пол.

— Скажи ему, — сказал Митрич.

Витька поднял голову. Глаза его были красными.

— В 2019-м мы зашли в Долину. Пятеро. Я, канадцы — трое, и гид из Петропавловска. Зашли утром. К вечеру поняли, что компас врёт. Гид сказал: «Надо выходить по солнцу». Солнце тоже врало.

— Ночью они начали умирать. Сначала канадец — молодой, двадцать два года. Просто лёг и не проснулся. Я думал — сердце. Потом второй. Третий. Потом гид. Я остался один. Сидел в палатке, смотрел на их тела. И чувствовал, как что-то входит в меня. Не через уши, не через глаза — через кожу. Тёплое. Липкое.

Витька замолчал. Достал сигарету, закурил дрожащими руками.

— Потом утром проснулся — они все были живы. Сидели в кругу, улыбались, смотрели на меня. Глаза белые. Я выбежал. Шёл три дня. Не помню как. Вышел к трассе, меня подобрал дальнобойщик. Сказал: «Ты весь серый, как пепел».

Витька задрал рукав. На внутренней стороне предплечья — серое пятно. Будто кожа истончилась до прозрачности, а под ней — пустота.

— Это печать. Они поставили, когда я вышел.

Витька посмотрел на Алексея. Впервые за весь разговор — прямо, в глаза.

— Я отведу тебя. Не за деньги. Мне всё равно уже не жить. Но ты должен кое-что сделать.

— Что?

— Если увидишь, что я становлюсь пустым — глаза белеют, голос чужой — убей меня. Не жалея. Не думай. Просто выстрели в голову. Договорились?

Алексей смотрел на серое пятно. Оно пульсировало.

— Договорились.

Гараж. Четверо внутри

Митрич вышел на улицу — проверить «Урал». В гараже остались только Алексей и Витька.

Подготовка заняла два часа, и за эти два часа Алексей понял: экспедиция в Долину не похожа на путешествие. Больше всего она напоминала сборы на собственные похороны.

Митрич раскладывал вещи на бетонном полу гаража: термобельё, непромокаемые штаны, запасные носки, спальник, аптечка, фальшфейеры, нож, верёвка, сухпайки, таблетки для воды, батарейки, соляные патроны. Каждый предмет он называл вслух и ждал, пока Алексей повторит.

— Зачем?

— Чтобы рука помнила, если голова перестанет.

Витька проверял ружьё. Разбирал, собирал, снова разбирал. Делал это с такой нежностью, будто ухаживал за больным животным.

— Стрелять умеешь?

— Нет.

— Отлично. Значит, не будешь геройствовать.

Он показал, как держать приклад, как не закрывать глаза перед выстрелом, как не направлять ствол туда, куда не готов отправить смерть.

— Запомни главное, — сказал Витька. — Ружьё не для монстра. Монстр там внутри. Ружьё для момента, когда кто-

то из нас попросит открыть дверь.

— А если это буду я?

— Тогда я ударю тебя прикладом.

— А если ты уже не сможешь?

Витька посмотрел на него и вложил ему в ладонь один патрон.

— Тогда вспомни договор.

Патрон был тёплым.

Алексей хотел спросить, почему, но Митрич ответил раньше:

— Потому что соль помнит море. А море старше Колыбели.

В углу гаража стоял «Урал». Машина казалась живой: ржавая морда, мутные фары, следы старых ремонтов, проводка, перемотанная изолентой. На панели приборов была приклеена маленькая фотография девочки лет десяти.

— Марина? — спросил Алексей.

Митрич не обернулся.

— Была.

— Почему не снял?

— Пока фото здесь, я помню её лицо сам. Если сниму — они начнут показывать своё.

Перед выездом Митрич дал Алексею ещё одну вещь — маленький блокнот с твёрдой обложкой.

— Пиши каждый вечер. Не красиво. Не для книги. Просто пиши, что видел, что ел, кто рядом. Память надо привя-

зывать к словам. Колыбель сначала съедает связи: сегодня, вчера, я, ты. Запись — это узел.

— А если она прочтёт?

— Прочтёт. Но письмо, написанное живым себе самому, ей трудно перевернуть.

Первую запись Алексей сделал прямо в гараже:

«16 ноября. Петропавловск. Я ещё человек. Моя мать умерла. Мой отец пропал в 2006 году. Я еду найти ответ. Меня зовут Алексей Самойлов».

Когда он поставил точку, серая крапинка на пальце перестала пульсировать. Ненадолго. Но перестала.

Витька молчал. Смотрел в пол. Потом заговорил — тихо, как будто сам с собой.

— Знаешь, чего я боялся больше всего в Чечне? Не пуль. Не мин. Я боялся, что умру и никто не запомнит, как меня зовут.

Он усмехнулся. Криво, горько.

— А теперь я боюсь, что запомнят. Потому что вспоминать будут не меня. А то, что вошло в меня в Долине.

— Расскажи, — попросил Алексей.

Витька затянулся. Дым был чёрным.

— В Чечне я был в разведке. 1999 год. Попали в засаду. Четверых убили. Я один выжил. Вытаскивал их тела трое суток под обстрелом. Думал — если вывезу, они будут жить. Не вывез. Они умерли по дороге. Я держал Колю за руку, когда он умирал. Он сказал: «Витя, скажи маме, что я не боль-

но». Я сказал. А сам не верил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.